

Мнение ученого по поводу новых научных идей

Вадим Петровский

РЕФЛЕКСИЯ НА СТАТЬЮ ВАЛЕРИИ МУХИНОЙ «УНИКАЛЬНЫЙ ДИАПАЗОН ПОНЯТИЯ “АРХЕТИП”»*

На первом месте в названии статьи Валерии Мухиной мы видим прилагательное «уникальный». Это же слово будет первым в нашем отзыве.

Уникальный труд! В. Мухина не ограничивается привычной для многих, ставшей, по существу, штампом-констатацией неоднозначности понимания архетипа в истории культуры. Для В. Мухиной неоднозначность представлений об архетипе – богатство, одаряющее исследователей новыми возможностями персонологической интерпретации. В статье рассматриваются истоки понятия «архетип», отмечается тот важный для понимания архетипа факт, что древнегреческие философы использовали это слово в значении «первообраз, образ, образец», а юнгианская трактовка архетипа конституировала современный смысл этого термина как *первичная схема образов*. Воспроизводимый в статье способ понимания архетипа автором аналитической психологии представляется нам весьма важным напоминанием: установившийся в профессиональной среде «неюнгианцев» взгляд на архетипы превращает их в нечто аморфное, не подлежащее более или менее строгому определению (можно сколько угодно спекулировать на том факте, что сам К. Г. Юнг не предлагал соответствующей дефиниции, но это не значит, что такая задача должна быть отброшена).

В начале статьи автор освещает некоторые архетипы, которые были в наибольшей степени интересны К. Г. Юнгу (Младенец и Дева, Мать и Возрождение, Дух и Трикстер, Вотан и др.). Но для В. С. Мухиной это лишь исходный пункт построения статьи.

Юнгианская феноменология архетипов не исчерпывает, с точки зрения автора, всей совокупности элементов Великого идеополя обществен-

* Мухина В. С. Уникальный диапазон понятия «архетип» // Развитие личности. – 2014. – № 4. – С. 163–201.

ного самосознания (понятие, введенное В. С. Мухиной и определяемое ею как «великое пространство, объективно существующее и вмещающее в себя опыт познавательной деятельности всего человечества и открытое для взаимодействия с ним»). Галерея юнгианских архетипов при всем их многообразии – лишь малая часть архетипов, реально присутствующих в Великом идеополе общественного самосознания. Данная мысль переживается автором как персональное открытие, таковым она, по сути, и является. Если попытаться выразить ее совсем просто, то достаточно будет одной фразы: «Образов-архетипов человеческих качеств реально много больше...».

Так, архетипы, описываемые Платоном и Аристотелем, как показано в статье, отнюдь не рядоположны архетипам К. Г. Юнга. «В космосе языков, образов и идей, рожденных в процессе истории человечества, – пишет В. С. Мухина, – существует множество *взаимоналагающихся* и *взаимно нерядоположных* архетипов, и в частности “созвездие библейских архетипов”: *Каин и Хам, Иисус и его апостолы – Петр, Фома, Иуда, а также архетип сатаны*».

Ну, скажем, Каин. Трудно не согласиться с автором: «Каин – неистребимый архетип человеческой сущности: нечто в нем действительно бессмертно». В. С. Мухина показывает – и это очень важное культурологическое наблюдение! – что некоторые черты библейских персонажей выступили в истории как особые архетипы, а поскольку речь в данном случае может идти о негативных чертах, то они (архетипы) могут быть названы *синдромами*. Назвав эти черты синдромом, автор, на наш взгляд, мог бы рассчитывать на то, что его трактовка данных черт войдет в лексикон персонологов, которым претит сугубо клиническое использование этого слова. При всей необычности этого словоупотребления оно нам представляется вполне уместным в описании людей, способных поддаться искушению (Петр), недоверчивых (Фома), готовых предать (Иуда), абсолютно бесчеловечных (сатана).

При всей важности представления негативных архетипов как источника самоосмысления человечества для разработки проблем психологии личности (что не может не интересовать ученых-психологов и психологов-практиков) архетипы-антиобразы практически не фигурируют в психологических учебниках, представляющих психологическое знание, трактатах и руководствах: «Возьмем, например, отечественные учебники по психологии развития (психики или личности) или учебники из серии типа “Мэтры мировой психологии”. Обычно можно увидеть, что большинство авторов весьма мало рассматривают наши человеческие слабости и недостатки, что микширует объективную истину о нас – человеках». Мы цитируем сейчас *подстрочник* статьи, но это не значит, что сама В. Мухина сколько-нибудь недооценивает значение данного положения дел. Привлекая термин «синдром» для обозначения персонифицированных черт характера библейских персонажей, она легитимизирует проблематику негативных феноменов как будущую неотъемлемую часть персонологического познания. Для сравнения: специалисты в области этики, в отличие от психологов, вряд ли воспользовались бы термином «синдром» для обо-

значения соответствующего круга явлений, однако, думается, наши коллеги «по цеху» по достоинству оценят это смелое нововведение.

Архетипы для автора – это не только персоналии: слова-понятия по сути своей тоже архетипы, они – предтечи самых ранних архетипов. *Это очень важная и необычная мысль. Мы видим, как обосновывается она при анализе существующих «сквозь время» культурных конструктов: «свои – чужие», «хороший – плохой», «добро – зло» и др.* Спрашивается: в силу каких причин всё перечисленное может быть отнесено к категории архетипов, а не просто «действенных факторов» человеческого бытия?

Ответ рождается сам собой: каждый из таких конструктов ассоциируется в нашем сознании не только с действующей («посредством чего что-то делается») и формальной («по форме чего»), но и с целевой («конечной») причиной («ради чего»), то есть в них исподволь вносится идея «агенса» – агента действия. Действительно, «свое» озабочено именно собой и существует для того, чтобы сделать себя еще более своим; «чужое» также работает «на себя», стремится сделаться еще более чужим, отчуждается. Точно так же «хорошее» и «плохое», «добро» и «зло» – они ценны в-себе-и-для-себя, самоценны. Иными словами, такие слова, *подобно другим архетипам*, приобретают статус **субъектности**.

Но это, заметим, *особая субъектность* – существующая над нами, реализующаяся сквозь нас, распоряжающаяся нами. Подняться над ней, овладеть ею можно, только опершись на нее, признав ее силу, согласившись с ней (один из важных принципов трансактного анализа, процессуально ориентированной терапии, других подходов в современной практической психологии).

Тот же статус субъектности – что вполне логично! – В. Мухина придает местоимениям, заключающим в себе значения и смыслы социальных позиций людей по отношению друг к другу: «они», «мы», «вы», «он, она», «ты», «я» и т.д. Особое место в построениях автора занимают архетипы-понятия «личность» и «Я».

Глубоко обосновывается идея несводимости архетипа «они» к сумм-коллекции многообразных «он» и «она». Скорее уж «он» и «она» суть производные архетипа «они». Так же и «я» – оно производно от «мы» (а не наоборот). «Возможно, – пишет В. Мухина, – эти архетипы («они», «мы») в процессе индивидуализации представителей рода выстроились в истории в ряд личных местоимений единственного числа, рождаемых в чреве местоимений множественного числа».

Автору данной рецензии интересна и важна эта мысль в контексте его собственных построений, которыми хотелось бы поделиться, прежде всего, с автором рецензируемой статьи. Для объяснения генеза и развития «я» в процессе индивидуально-общественной жизни человека в наших статьях вводилось представление о «безличном местоимении первого лица»*. Приведу один из фрагментов. «Наименее очевидный и наиболее важный вопрос семиотики Я, постановка которого обязана существованию дейксисов (пер-

* Петровский В. А. «Я»: конфигурации артефакта // Культурно-историческая психология. – 2008. – № 2. – С. 112–118.

сональных местоимений), заключается в следующем: существует ли общее чувство, роднящее дейкисы *я*, *ты*, *он(а)** и другие дейкисы того же рода? Отвечая на этот базовый вопрос семиотики Я, мы говорим: «Да, существует!» и называем это гипотетически общее, сродственное, роднящее дейкисы знаковое образование непривычным образом: перед нами **безличное местоимение первого лица**. Это соощущение тождества позиций *адресант* (то есть говорящий = источник сообщения, тот, от кого поступает сообщение), *адресат* (то есть слушающий = получатель сообщения, тот, к кому обращено сообщение) и, наконец, *объект коммуникации* (потенциальный участник коммуникации, тот, о ком это сообщение)**:

Я – имя:
соощущение
дейкисов
"я", "ты", "он"

Обобщенное обозначение «Я» (прописная буква, выделенная курсивом) в роли замещающего символа при подстановке личного местоимения 1-го лица «я» в позицию «ты» и «он», в соответствующие притяжательные местоимения, а также в частицы

Присутствуя в каждом и как бы «между» индивидуумами, такое Я повсеместно. Мы говорим о данной форме Я – *Я-имя* (или *номинальное Я*), изображая ее в тексте заглавной буквой Я, набранной курсивом.

* «Он» («она») в контексте нашего анализа – это, в частности, дейкис личного имени.

** Можно показать, что все эти дейкисы образуют замкнутый контур – особую систему, каждый элемент которой определяется сочетанием некоторых других элементов этой системы, например, справедливы равенства: моё «я» для меня = моё «ты» для тебя = моё «он» для него и т.п. В этом семиотическом контуре каждый элемент может быть замещен сочетанием других элементов, и это замещение есть соощущение тождества данного элемента и композиции других элементов. Несколько «странноватые» равенства могут быть проиллюстрированы многими примерами из художественной литературы. Таков, например, знаменитый рассказ А. И. Пантелеева «Буква “ты”» и многие другие. Контрапунктом может прозвучать пример из М. М. Жванецкого – о разнице между интеллигентным и обычным человеком. Простой человек говорит: «Вот негодяй! Что ты делаешь?!» Интеллигентный: «Вот негодяй, что он делает!» В данном примере «ты» и «он» абсолютно противостоят друг другу, что может рассматриваться как комическая иллюстрация нашего тезиса «наоборот».

Казалось бы, естественно спросить, где (на чьей стороне – адресанта, адресата, объекта коммуникации) осуществляется синтез *Я-имени*? Ответ состоит в том, что территория синтеза не столь уж существенна. Независимо от того, кто является носителем синтеза, в ком осуществляется сплав «я», «ты», «он» и других маркеров взаимоприсутствия индивидуумов, рождающееся при этом Я еще свободно от знаков отличия.

Нам представляется, что «безличное местоимение 1-го лица», *Я-имя*, включает в себе переход от «*мы*» к индивидуальному «я» – автономному субъекту восприятия, действия, переживания. Разумеется, такое автономное «я» неотделимо от «ты» другого индивидуума, ибо каждое из них связано с каждым, вступает в отношения с ним, являясь дериватом общего «мы».

Существенный интерес в наши дни представляет также предложенная В. Мухиной оригинальная трактовка личности как архетипа. Автор настаивает на том, что «личность есть индивидуальное бытие общественных отношений». В этом определении заложено понимание того, что: 1 – личность – это социальное в нас (личность – бытие общественных отношений); 2 – личность – это индивидуальное бытие в нас (личность – индивидуальное бытие общественных отношений)».

Наш комментарий: это так, и приходится на этом настаивать! Ведь в наши дни мы встречаем редуccionистские построения, либо сводящие личность к имманентно-внутреннему, экзистенциальному (person), либо – к сугубо внешнему, социальному (persona – в значении «маска»). Так, прямое сведение личности к маске, проигрываемой социальной роли мы встречаем в книгах и статьях А. Б. Орлова и его соавторов. Между тем глубоко мотивированная, всеохватная трактовка архетипов, предложенная В. Мухиной, позволяет выйти за рамки догматического следования юнгианской трактовке; личность для В. Мухиной – единство, но не тождество индивидуального и общественного.

Могу ли я позволить себе внести некоторые дополнительные штрихи к портрету будущей проблематики исследований, указанной В. Мухиной?

Один из вопросов, который может быть затронут в связи с анализом следствий из концепции В. Мухиной, состоит в интерпретации множества архетипов как *динамической системы*, где одни из них дополнительны к другим, некоторые представляют собой синтез других и т.п.

Было бы интересно также сопоставить феноменологию персоналий-архетипов с существующими типологиями личности: не появится ли при этом новая, интуитивно приемлемая и практически ценная *архетипическая типология личности* (кратко – *архетипология*)?

Еще одно, на мой взгляд значимое, направление возможных исследований: теоретический и эмпирический анализ *побудительной силы* архетипов. Я имею в виду не только «позитивные» архетипы, вразумляющие и вдохновляющие людей, что очевидно, но и архетипы-антиобразцы (синдромы, в терминах В. Мухиной). Ведь поскольку архетипы-антиобразцы существуют (удерживаются) в культуре, то им может быть свойственна также иррациональная привлекательность (они могут подталкивать людей к совершению действий – разрушительных и безнравственных). Будучи *всеобщими* элементами идеополя, негативные архетипы как бы содержат в себе *разрешение на использование*.

«Не может ли быть так, что эти сообщения о зле, без всяких усилий захватывающие и удерживающие наш интерес, делают это не потому, что совершающие его преступники кажутся нам столь чуждыми, столь отличающимися от нас, а скорее потому, что вызывают в нас чувство болезненной похожести», – пишет Эрнесто Спинелли*.

Другая версия иррациональных (дезадаптивных) форм поведения дана в нашей книге «“Я” в персонологической перспективе». Эта версия также основана на идее присутствия в нас фигур негативного плана (включая архетипические), которые должны быть интегрированы в «единомножие» Я, а значит, отражены каждая в каждой (в противном случае они будут «предоставлены сами себе» и доставят массу хлопот)**.

Нам думается, что эвристичность предложенной В. Мухиной концепции во многом определяется разрабатываемой автором категорией идеополя общественного самосознания. Идеополе – не безличная ментальность, это поле *идей*, это идейное *поле*. Идеи, как известно, это не просто мысли, а мысли, превращающиеся в *мыслимое*; это – самореализующиеся представления; это – воплощающие себя вовне переживания и т.п. Поле – это не просто область существования чего-то. Это область существования активных сил – притяжений, отталкиваний, импульсов; именно там идеи, словами Гегеля, чувствуют себя у себя.

Полагаю, что категория идеополя общественного самосознания будет со временем осмыслена людьми как особый архетип, истоки которого удастся найти в историческом прошлом культуры, а перспективы развертки – в ее будущем.

Есть работы, производящие существенные изменения в сложившейся картине реальности. Необратимые изменения. Хорошо это или плохо – покажет время. Ведь культура продолжает создавать свои архетипы «на своем пути к не всегда ясным для него самого целям». Несомненно одно: человеческая культура должна освободиться от собственных представлений, если она застревает на них, ибо догмы и стереотипы – одно, а архетипы – нечто другое.

Статья Валерии Мухиной – несомненный вклад в процесс обновления Великого идеополя общественного самосознания.

* Спинелли Э. Зеркало и молоток. Вызов ортодоксальному психотерапевтическому мышлению. – Минск: Изд-во «И. П. Логвинов», 2009. – 216 с. – С. 143. – (Conditio humana).

** Среди этих «я» есть весьма негативные персонажи. В этом контексте мы говорим об архетипах аналитической психологии, «субличностях» в психосинтезе, «фигурках сна» и «монстрах» в процессуально ориентированной терапии и т.д. Каждый из этих внутренних субъектов может стать объектом имитации со стороны центрального – медиаторного «Я», выступающего в роли посредника между другими «я» (в этом и состоит его функция). Наше «Я» как бы присоединяется к каждому из частных «я», и такого рода присоединение совершенно непрагматично, оно лишено иного смысла, кроме апробации самой возможности имитации. Так рождаются «игры», «интриги», «комические положения», «розыгрыши» – словом, особая драматургия собственной жизни. Поведение со стороны может казаться абсурдным, рискованным, вычурным, но его смысл – в имитации смыслов субъектов, «живущих» внутри.